

ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕР

ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕР

Фрэнни и Зуи

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
C97

J. D. Salinger
FRANNY AND ZOOEY

© 1955, 1957, 1961 by J. D. Salinger
Copyright renewed 1983, 1985 by J. D. Salinger

Серия «Pocket book»
Оформление А. Саукова

Серия «100 главных книг»
Оформление Н. Ярусовой

Сэлинджер, Дж. Д.
C97 Фрэнни и Зуи / Дж. Д. Сэлинджер ; [пер. с англ.
М. В. Немцова]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 224 с.

ISBN 978-5-699-96327-0 (Pocket book)
ISBN 978-5-699-96328-7 (100 главных книг)

Писатель-классик, писатель-загадка, на пике карьеры объявивший об уходе из литературы и поселившийся вдали от мирских соблазнов в глухой американской провинции. Его книги, включая культовый роман «Над пропастью во ржи», стали переломной вехой в истории мировой литературы и сделались настольными для многих поколений бунтарей: от битников и хиппи до представителей современных радикальных молодежных движений.

Повести «Фрэнни» и «Зуи» по праву входят в золотой фонд сокровищницы всемирной литературы.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Немцов М., перевод на русский язык,
2017
ISBN 978-5-699-96327-0 © Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-96328-7 ООО «Издательство «Э», 2017

Чуть ли не в духе Мэтью Сэлинджера¹, возраст один год, когда он навязывает сотрапезнику остывшую лимскую фасолину за обедом, я побуждаю своего редактора, наставника и (да помогут ему небеса) ближайшего друга Уильяма Шона², *genius domus*³ «Нью-Йоркера», любителя несбыточных ставок, покровителя неплодовитых, защитника безнадежно цветистых, неразумно скромнейшего из прирожденных редакторов-художников, принять эту довольно тощую на вид книжицу.

---

¹ Мэтью Сэлинджер (р. 1960) — сын Дж.Д. Сэлинджера и Клэр Дуглас, ныне американский актер телевидения, театра и кино (в частности, известный заглавной ролью в фильме «Капитан Америка», 1991).

² Уильям Шон (1907—1992) — главный редактор (1952—1987) журнала «Нью-Йоркер».

³ Гений дома (*лат.*), дух-хранитель домашнего очага.

ФРЭННИ

Хотя ярко светило солнце, субботнее утро опять требовало пальто — не плаща, как всю неделю, когда надеялись, что на важных выходных, когда играет Йель, погода будет такая же. Из двадцати-с-чем-то молодых людей, ожидавших на вокзале прибытия своих девушек поездом в десять-пятьдесят-две, только шесть-семь стояли на холодной открытой платформе. Остальные толпились простоволосыми дымными кучками в нагретом зале ожидания и беседовали так, что голоса их почти без исключения звучали школярски беспрекословно, точно каждый юноша, едва ему наставал черед вклиниться в беседу, прояснял раз и навсегда некий в высшей степени противоречивый вопрос, в коем весь остальной необразованный мир вызывающе — или же наоборот — барахтался много столетий.

Лейн Кутелл в плаще «Бёрберри»¹, к которому, видимо, была пристегнута теплая подкладка,

---

¹ «Бёрберри» — английская фирма элитной одежды и аксессуаров, основана в 1856 г.

стоял среди тех шести-семи на открытом перроне. Хотя, скорее, стоял с ними — и не с ними. Уже минут десять, а то и больше он старательно держался подальше от их беседы, спиной опирался на стойку с литературой «Христианской науки»¹, руки без перчаток держал в карманах. Кашемировый шарф свекольного цвета сбился у него на шее и почти не грел. Вдруг — и довольно рассеянно — Лейн извлек правую руку из кармана и стал поправлять шарф, но не успел — передумал, той же рукой достал письмо из внутреннего кармана пиджака. И тут же принялся читать, не вполне закрыв рот.

Письмо было написано — отпечатано — на бледно-голубой почтовой бумаге. Вид у него был потертый, несвежий, словно из конверта его уже не раз извлекали и перечитывали:

Наверно вторник

Дорогой мой Лейн,
даже не представляю сумеешь ты это расшифровать или нет потому что гвалт в общаге какой-то невообразимый и я даже не слышу о чем думаю. Поэтому если я что-то напишу неправильно будь

---

¹ «Христианская наука» — протестантская секта, основанная Мэри Морс Бейкер Эдди (также Мэри Бейкер Гловер Эдди, 1821—1910) в 1866 г. сначала как движение, затем как самостоятельная церковь (1879). Основана на вере в духовное излечение от всех физических и духовных грехов и недуг с помощью Слова Христова.

так добр по-доброму не обрати внимания. Кстати я послушалась твоего совета и в последнее время часто общаюсь к словарю, поэтому если стиль испортился ты виноват. В общем я только что получила твое прекрасное письмо и люблю тебя вдребезги, до безумия и т.д., жду не дождусь выходных. Жалко что не получится поселить меня в Крофт-Хаусе, но мне вообще-то все равно где жить только бы там было тепло и без клопиков и мы виделись бы время от времени, т.е. каждую минутку. Я в последнее время схожу т.е. с ума. Я совершенно обожаю твое письмо, особенно часть про Элиота. Наверно я уже смотрю свысока на всех поэтов кроме Сафо. Я ее читала как безумная, и, пожалуйста, без пошлостей. Семестровую я может даже буду писать по ней если пойду на отличие и заставлю согласиться на такое этого недоумка которого мне назначили руководителем. «Киферея, как быть? Умер — увы! — нежный Адонис! Бейте, девушки, в грудь, платья свои рвите на части!»¹ Изумительно же правда? И она все время так. Ты меня любишь? Ты в своем ужасном письме ни разу не сказал. Я тебя ненавижу когда ты безнадежно весь такой из себя мужчина и неконтактный (так пиш.?). Ну не совсем ненавижу а по складу своему против сильных молчаливых мужчин. Не то чтобы ты сильный но ты меня понял. Тут уже такой гам я даже не слышу о чем думаю. В общем я тебя люблю и хочу отправить

---

¹ Пер. В. Вересаева.

тебе это срочной почтой чтобы ты заранее получил если только найду марку в этом дурдоме. Люблю люблю люблю. А ты вообще знаешь что я с тобой за одиннадцать месяцев танцевала всего дважды? Не считая того раза в «Авангарде» когда ты был такой зажатый. Я наверно буду безнадежно стесняться. Между прочим я тебя убью если там гостей пропускать будут по очереди. До субботы, мой цветочек!!!

Люблю тебя очень,

ФРЭННИ XXXXXXXXXX XXXXXXXXXX

П.С. Папа получил из больницы рентгены и нам всем стало сильно легче. Это опухоль но не злокачественная. Я вчера вечером поговорила с мамой по телефону. Между прочим она передает тебе привет, поэтому насчет той пятницы можешь расслабиться. Вряд ли они даже слышали как мы вечером зашли.

П.П.С. В письмах тебе я наверно выгляжу такой неумной и придурочной. Почему? Разрешаю тебе поанализировать. Давай попытаемся в эти выходные изумительно провести время. То есть не будем пытаться в кои-то веки заанализировать все до смерти, если можно, особенно меня. Люблю тебя.

ФРЭНСИС (ее знак)

Лейн на сей раз дошел почти до середины письма, когда его прервал — к нему вторгся, перешел его границу — дородного сложения

юноша по имени Рэй Соренсон: ему хотелось выяснить, в курсе Лейн, о чем пишет этот гад Рильке, или как. И Лейн, и Соренсон ходили на «Современную европейскую литературу 251» (только для старшекурсников и дипломников), и на понедельник им задали четвертую «Дуинскую элегию». Лейн знал Соренсона только шапочно, однако лицо и поведение этого типа его смутно и недвусмысленно отталкивали, и он теперь убрал письмо и ответил, что не знает наверняка, но думает, что по большей части в курсе.

— Везуха, — сказал Соренсон. — Счастливый ты. — В голосе его звучал минимум жизни, точно Соренсон подошел от скуки или раздражения, а не ради нормального разговора. — Господи, какая холодрыга, — сказал он и вытащил из кармана пачку сигарет. Лейн заметил вытертый — но глаз цеплял — след губной помады на лацкане Соренсенова верблюжьего пальто. Наверняка он там уже много недель, а то и месяцев, но с Соренсоном Лейн знаком не то чтобы очень, не тыкать же в это носом, — да и, говоря вообще, Лейну плевать. Кроме того, подходил поезд. Юноши повернулись как бы полувлево, к локомотиву. Почти сразу двери зала ожидания с грохотом распахнулись, и те, кто грелся внутри, повалили навстречу поезду: при этом казалось, будто у большинства в каждой руке минимум по три зажженные сигареты.

Когда поезд начал тормозить, Лейн и сам закурил. Затем, уподобляясь многим, кому, быть может, стоит выдать лишь весьма условное разрешение на встречу поездов, попробовал слить с лица какое бы то ни было выражение, что могло просто-напросто — и даже, наверное, живописно — выдать, как он относится к той, кого встречает.

Фрэнни вышла из поезда в числе первых — из вагона у дальнего, северного конца перрона. Лейн ее заметил сразу же, и, что бы ни пытался он сделать со своим лицом, рука его, что взметнулась ввысь, явила всю правду. Фрэнни эту руку — и его самого — заметила и преувеличенно замахала в ответ. На ней была шубка из стриженного енота, и Лейн, зашагавший к девушке быстро, однако с медленным лицом, подавляя возбуждение, рассудил, что он тут один, кто поистине *знает* шубку Фрэнни. Он вспомнил, что как-то раз в занятой у кого-то машине, нацеловавшись с Фрэнни за полчаса или около того, он чмокнул и отворот ее шубки, словно тот был совершенно желанным, живым продолжением Фрэнни.

— Лейн! — Она приветствовала его сердечно — уж ей-то ничего не пришлось напускать на лицо. Обхватила юношу руками и поцеловала. То был вокзальный поцелуй — сначала достаточно спонтанный, но в продолжении своем довольно сдержанный, отчасти вроде с неким даже взаимосталкиванием лбами. — Ты получил мое

письмо? — спросила она и добавила почти без передышки: — Ты же почти совсем заledenел, бедненький. Почему не ждал внутри? Ты письмо получил?

— Какое? — спросил Лейн, подхватывая ее чемодан. Темно-синий, с белой кожаной обвязкой — как полдюжины других, что как раз выносили из вагонов.

— Ты не *получил*? Я отправила в *среду*. О боже! Я даже сама на почту его отнесла...

— А, это. Да. Багажа больше нет? Что за книжка?

Фрэнни перевела взгляд на свою левую руку. Она держала книжицу в горохово-зеленом матерчатом переплете.

— Эта? Ой, это просто, — ответила она. Открыла сумочку, впихнула туда книжку и двинулась за Лейном по долгому перрону к стоянке такси. Взяла Лейна под руку и говорила сама *почти* всю дорогу — если не *всю*. Во-первых, что-то насчет платья в чемодане, которое нужно погладить. Сообщила, что купила очень миленький такой утюжок, как из кукольного домика, но забыла взять его с собой. Сказала, что, похоже, знала всего трех девушек в поезде — Марту Фаррар, Типпи Тиббетт и Элинор-как-то, с которой познакомилась сто лет назад, еще в интернате — в Экзетере или где-то. А все остальные в поезде, сказала Фрэнни, на вид очень такие Смиты, кроме двух абсолютно из Вассара и еще одной *абсолютнейше* из Беннингтона или Сары Ло-

уренс¹. Та, что из Беннингтона-Сары-Лоуренс, как будто всю поездку просидела в сортире — лепила, рисовала или еще что-нибудь, или как будто у нее под платье трико надето. Лейн, шедший как-то слишком уж быстро, пожалел, что не вышло устроить Фрэнни в Крофт-Хаус — это, конечно, было безнадежно, — но он зато определил ее в такое славное уютное местечко. Маленькое, но там чисто и все такое. Ей понравится, сказал он, и Фрэнни мгновенно представились мебелишки, обшитые белой дранкой. В комнате три девушки, друг с другом не знакомые. Кто заселился первой, той и продавленная тахта, а остальным достанется двуспальная кровать с абсолютно невообразимым матрасом.

— Мило, — энергично сказала она. Иногда дьявольски трудно скрывать, как раздражает общая мужская неумелость, а в частности — неумелость Лейна. Ей вспомнился дождливый вечер в Нью-

---

¹ Академия Филлипса в Экзетере — одна из наиболее известных и престижных школ-интернатов, находится в штате Нью-Хэмпшир, основана в 1781 г. Колледж (Софии) Смит — престижный частный колледж высшей ступени преимущественно для женщин в г. Нортхэмптоне, штат Массачусетс, основан в 1871 г. Колледж Вассара — престижный частный гуманитарный колледж высшей ступени в г. Покипси, штат Нью-Йорк, основан в 1861 г. как женский. Беннингтонский колледж — частный колледж высшей ступени в г. Беннингтоне, штат Вермонт, основан в 1925 г. как экспериментальный гуманитарный колледж для женщин. Колледж Сары Лоуренс — престижный частный колледж высшей ступени в г. Бронксвилле, пригороде Нью-Йорка, основан в 1926 г. как женский колледж.

Йорке, сразу после театра, когда Лейн с подозрительным избытком тротуарного благородства позволил этому кошмарному дядьке в смокинге увести у себя из-под носа такси. Это-то еще ничего — то есть, *господи*, вот был бы ужас, если б она была мужчиной и ловила такси под дождем, — но она помнила этот кошмарный, очень злой взгляд, что Лейн бросил на нее, возвращаясь на свою тротуарную вахту. Теперь же, странно мучаясь от того, что вспомнила это и кое-что еще, Фрэнни пожала локоть Лейна с напускной теплотой. Они сели в такси. Темно-синий чемодан с белой кожаной обвязкой отправился вперед, к водителю.

— Скинем там чемодан и прочее, прямо в дверях, а потом сходим поедем, — сказал Лейн. — Я помираю просто от голода. — Он подался вперед и сообщил водителю адрес.

— Ой как хорошо, что я приехала! — сказала Фрэнни, когда такси тронулось. — Я по тебе *скучала*. — Едва слова вылетели, она поняла, что вовсе не хотела так говорить.

И снова, угрызаясь, взяла Лейна за руку и туго, искренне сплела с ним пальцы.

Где-то через час оба сидели за сравнительно удаленным столиком в ресторане под названием «Сиклерз» — в центре, место крайне любимое главным образом интеллектуальной бахромой студенчества — более или менее теми же студентами колледжа, которые, учись они в Йеле или Гарварде, как-то слишком уж ненароком

не устраивали бы свои свидания в «Мориз» или «Кронинз»¹. «Сиклерз», можно сказать, единственный ресторан в городе, где стейки не «вот *такенной* толщины»: большой и указательный палец разводятся при этом на дюйм. «Сиклерз» — строго Улитки. «Сиклерз» — место, где студент и его подруга либо заказывают салатик оба, либо — как правило — оба не заказывают из-за чесночного соуса. И Фрэнни, и Лейн пили martini. Когда минут десять-пятнадцать назад принесли бокалы, Лейн свой пригубил, затем откинулся на спинку и кратко обозрел зал с почти зримым удовольствием на лице: он оказался (свято, должно быть, веря, что этого никто не оспорит) в правильном месте с безупречно правильной на вид девушкой; она не только необычайно хороша собой, но и, что еще лучше, не относится слишком уж категорически к тем, которые в кашемировых свитерах и фланелевых юбках. Фрэнни заметила эту краткую маленькую демонстрацию и восприняла ее как таковую — не больше и не меньше. Но по некоему старому и еще крепкому договору со своей душой она предпочла устыдиться того, что заметила, — и уловила это, и приговорила себя слушать воспоследовавший монолог Лейна с особым подобием внимания.

---

¹ «М о р и з» («Mory's Temple Bar») — частный клуб неподалеку от кампуса Йельского университета, основан в 1849 г. «Кронинз» («Cronin's Bar») — один из любимых баров гарвардских студентов, до конца 1950-х гг. располагался на Гарвард-сквер.